

TEO-LOGOS

Aurelius Augustinus Hipponensis
Confessiones

Августин Блаженный
Исповедь

УДК 231.01
ББК 86.37
А18

*Перевод с лат. М. Е. Сергеенко
Вступительная статья А. В. Маркова*

Августин Блаженный

А18 Исповедь / Августин Блаженный ; [пер. с лат. М. Е. Сергеенко ; вступит. ст. А. В. Маркова]. — М. : РИПОЛ классик, 2018. — 416 с. — (ТЕО-LOGOS).

ISBN 978-5-519-64961-2

«Исповедь» Аврелия Августина — величайший памятник самопознания, представляющий события личной жизни как неотъемлемую часть духовного опыта. Августин создал уникальное повествование, объединяющее исторические события, глубокие размышления, сильные эмоции и богословско-философские догадки. Августин преодолел представление о биографии как языческой судьбе и создал автобиографию как комментарий к христианскому Откровению. «Исповедь» публикуется со вступительной статьей доктора филологических наук Александра Маркова, объясняющей поэтику и религиозно-философское содержание памятника.

**УДК 231.01
ББК 86.37**

*Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви*

*Печатается по изданию 1991 года,
Москва, издательство «Ренессанс»,
с добавлением новой вступительной статьи*

© Марков А.В., вступительная
статья, 2018

© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2018

ISBN 978-5-519-64961-2

СЛАВА ИСКРЕННЕГО СЕРДЦА

Словом «исповедь» мы чаще всего называем откровенный рассказ человека о том, как он сам стал причиной неприятных событий в собственной жизни. Реже мы именуем «исповедью» покаянное искреннее признание, не чуждое надрыва и слез, рассказ о своих пороках, с предупреждением держаться от любых пороков подальше. Если первое значение слова «исповедь» восходит к классической античной биографии, вроде биографий Плутарха, исследующей причины трагических событий в жизни героя — с единственным отличием, что произносится от первого лица — то второе значение принадлежит миру двух великих «Исповедей», Жана-Жака Руссо (1789) и Льва Николаевича Толстого (1882). Такая исповедь совершается перед публикой; но так как публика не имеет ни власти, ни возможности отпустить грехи, то такая исповедь создает новый мир общественной чувственности: застав чужую исповедь, человек поневоле по-новому стыдится себя и осторожнее обходится с собственными чувствами, а умея проникаться чужими чувствами, уже знает пределы сочувствия. Но мыслить «Исповедь» Августина по образцу позднейших авторских исповедей и откровенных писательских автобиографий было бы ошибкой.

Начальный библейский смысл слова «исповедь» — признание: далеко не только признание в своих пороках

или ошибках, но и признание в своей вере, надежде и любви. Исповедоваться Богу значит не столько чистосердечно признаваться, сколько прославлять Бога, провозглашать Бога всемогущим, жертвовать Богу лепту слова. Исповедание веры — речь о вере, торжественно прославляющая содержание веры. В таком первичном значении такая «исповедь» совершается перед всеми, как прославление всемогущества Бога, способного как карать грешника, так и щедро миловать его.

Церковное таинство исповеди, конечно, не может быть публичным: слишком велика опасность пересудов и недопониманий. Церковная исповедь, с глазу на глаз, ни в коем случае не должна быть интересна другим: человек представляет себя в становлении, сбивчиво раскрывая, в чем он ошибался и что у него не получается; и отдав долг искренности, обретает более прямой чем прежде путь, очевидный уже для всех. Такой рассказ с глазу на глаз невозможен без чудес, — если понимать чудо не как сенсацию, но как неожиданную милость, как новый общий взгляд на события или как проявление благой воли в мире предопределенности.

«Исповедь», вернее, «Исповеди» Августина (13 книг, каждая из которых — отдельная «исповедь», как бывают отдельные гимны, объединенные в цикл) были созданы около 398 г. Цель автобиографического труда — показать обращение в христианство как необходимое и естественное, проистекающее и из долга перед благожелательной матерью Моникой, и из логики идей, и из свойств времени и переживания времени, и из подсказок памяти, и из переживания языка как глубинного опыта человека. Христианство Августина — не заимствование готовой идеи, но постоянные подсказки, ведущие к озарениям, постоянное

спотыкание о свои страсти и свой язык, — после чего необходимо оправиться и предстать перед людьми во всем приличии. Реальность Церкви для Августина — реальность приличия и пристойности, в противовес собственной воле, всегда беспокойной. Как есть воля грешить, есть воля и исправляться; и эта воля отличается вниманием к многочисленным подсказкам, без отбора понятных или выгодных, но с принятием их как единственной логики событий.

Прежде всего, как и во всех сочинениях, Августин не противопоставляет, а сближает слова и вещи. Если для нас отдельно существуют законы событий и отдельно — правила описания происходящего, то для Августина правильно описанное событие только и есть настоящее событие; а вещи сами по себе настолько символичны, что их хватит на множество слов. Речь не отражает событие, а скорее вторгается в него, проверяет его на прочность, — и раскрывается в своей действенной полноте уже изнутри захватившего ее события. Человеческая жизнь не столько считается с событиями, сколько вызвана ими к тому, чтобы быть жизнью в полном смысле, а уже не обстоятельством для других обстоятельств. Больше всего «Исповедь» напоминает интерактивное повествование, наподобие ряда постмодернистских романов, где пишущий роман уже оказывается в самом романе — но только Августин делает то же самое несравненно тоньше и стремительнее.

Затем, Августин вовсе не рассказывает только о собственной душевной жизни или о собственных кризисах. Он говорит о том, какие вещи могут ввергнуть в кризис, а какие — помочь преодолеть кризис. Ему важно, какие вещи разумны, а какие — неразумны; какие — притворны, а какие — подлинны. Он действует не как психолог, рабо-

тающий с частной душевной жизнью, а как одновременно естествоиспытатель или математик, раскрывающий истину вещей, общих для всех прежде появления их отдельных частных проекций, и политик, показывающий всем, какие опасности могут подстеречь целый народ или даже всё человечество под прикрытием мнимой безопасности.

Но Августин и не стремится рассказать о каких-то общих законах поиска смысла жизни на своем примере. Для него важно, что при столкновении с истиной событий частная жизнь человека впервые становится по-настоящему частной: когда личность чувствует уместность тех или иных эмоций или мыслей. Пока человек не столкнулся с истиной, он находится в плену собственной неуместности.

Никогда Августин не играет на одной ноте чистосердечного признания. Скорее, он строит целый звукоряд, который настолько очаровывает своей правильностью, что после этого мы не можем не признать очевидных вещей. Человек, отдающий предпочтение отдельным мотивам жизни, отдельным мотивациям, закрывает для себя очевидность, видя лишь отдельные грани мировых закономерностей. Тогда как человек, играющий на клавиатуре мотивов, памятливым и открытым любому будущему, понимает, сколь очевиден тот смысл бытия, который он столь безнадежно искал до этого. Надобно только понять, что эта память и эта смелость перед будущим принадлежит не только тебе, но и обществу, или для Августина — Церкви.

Первая книга «Исповеди» — прославление Бога и рассказ о появлении детского тщеславия и суетности. Детство для Августина — вовсе не золотая пора невинности, а пора первых необдуманных увлечений, первых ошибок и первого настаивания на своих ошибках. Но детство — и пора прославления Бога, счастья светлой мысли, потому что еще

слишком ошутимо, как за каждой вещью стоит любящий выбор, любящее проявление воли Божией, в которой вещь и слово качаются словно в колыбели.

Вторая книга анализирует первые юношеские страсти и преступление ради преступления — кражу в чужом саду, совершенную ради дерзости, а не выгоды. Августин открывает в себе злую волю, состоящую не в лени или страхе делать добро, но в желании побывать злодеем, приобрести и такую профессию со своими секретами, закрывающими возможность исповедоваться.

Третья книга говорит о желании сделать карьеру риторика и о помощи матери, спасшей сына от худших поворотов в жизни. Тщеславие для Августина всегда нуждается в злостных экспериментах: кто хочет показать себя, тот хочет показать себя и с худшей стороны, хочет выставить на показ красоту порока; и только стыдливость перед матерью сохраняет человека от губельного экспериментирования.

Четвертая книга — признание в интеллектуальных заблуждениях, прежде всего, эстетизме, обернувшимся чувством пресыщенности. Августин первым в мировой литературе описал судьбу разочарованного эстета, которому кажется, что он проводит время среди прекрасных вещей, — но оказывается, что и время им упущены, и вещи предстают вокруг вовсе не такими, каким он представлял себе их раньше.

Пятая книга — отчет в неудачной попытке объяснить природу зла, увидев в нем что-то вечное, якобы тень, сопровождающую саму природу. Августин некоторое время считал зло вечным и неуничтожимым, но после понял, что тогда зло не просто заберет в свою власть некоторые вещи, но и навсегда лишит всех нас счастья встречи с вещами.

Шестая книга показывает, что даже в кругу самых близких друзей нельзя оставаться до конца жизни — рано или поздно даже самая хорошая компания не спасет от внутреннего кризиса, который может разразиться гораздо раньше, чем кризис среднего возраста. Августин имел лучших друзей, но ему предназначалось раскрыть, как устроена жизнь всех людей, а не жизнь компании. Чтобы понять, как душа спасается или гибнет, даже самых умных интеллектуальных бесед недостаточно — требовался кризис, вскрывающий тщетность любых планов, даже если эти планы как будто поддержаны всеми обстоятельствами.

Седьмая книга повествует о наступлении зрелости, несущей с собой новую опасность — самоуверенность. Такая самоуверенность человека, считающего себя хозяином жизни, может быть очень хитроумной и даже добродушной; но она лишает человека настоящего покоя. Человек становится мнительным до болезненности, и только понимание того, насколько стыдлива милость Божия, спасает человека от такого безысходного боевого настроя.

Восьмая книга — история встречи с Церковью. Церковь — единственная общность людей, умеющая увидеть добрые намерения в любом деле. Другие сообщества могут одобрять намерения; но это одобрение ситуативно, а потому ложно. Тогда как Церковь понимает, что человек взялся за дело, чтобы раскрыться, и помогает человеку раскрыться в общем великом сердце церковной жизни.

Девятая книга излагает первые церковные уроки. Августин узнает, что милость — это не снисходительность, но умение испытать предельную любовь. Что забота — не хлопоты вокруг потребностей, но умение вдуматься в жизнь человека лучше, чем вдумываются в любую науку или идею.